

Елена КЛЕПИКОВА, Ксения ЗЕМСКОВА

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР КРАСНОЙ КНИГИ

Истории о редких растениях и насекомых Казахстана

Часть 2 ПОМОГИ, ВЕЛИКИЙ ЖУК!

День насекомых

(Кузнечик дыбка степная – Saga pedo)

Собрались как-то насекомые на лугу, разговорились. На широкий лист лопуха выполз сверчок, зашевелил длинными усами:

– А вы знаете, что у людей есть праздник – день домашних насекомых? – спросил он.

– День тараканов, что ли? – хмыкнул жук.

– Нет, в честь таких насекомых, которых люди держат дома, в террариумах – муравьёв, богомолов, пауков.

– И когда же этот день? – божья коровка переползла на край травинки, прислушиваясь к разговору.

– Девятого марта.

Зашумели тут насекомые:

– Понятно, что только для домашних праздник. В начале марта ещё снег лежит, – сказала пчела, выглядывая из цветка чубушника.

– В лесах-полях в это время в помине нет никаких насекомых, все спят, – громко прострекотал кузнечик.

– Я тогда личинкой в коре зимовал, вкусное время было, – зажужжал жук.

– А давайте свой праздник устроим, – предложил сверчок, перекивая всех, – пусть будет у нас День диких насекомых?

– Правильно, – поддержали его обитатели луга, – мы – вольные! Живем на свободе. Нас дома держать нельзя, укусить и ужалить можем! Не надо нас трогать.

Сказано – сделано. Выбрали солнечный тёплый день в конце июня, устроили праздник.

Чего только не было на этой весёлой встрече – команды муравьёв на скорость возводили дома, личинки жуков рыли самые длинные проходы под корой сухих деревьев, стрекозы нарезали круги над прудом.

А сверчок решил организовать конкурс среди кузнечиков – «Кто дальше прыгнет?»

Позвал на поле кузнечика зелёного, скачка пятнистого, кузнечика крошечного и дыбку степную. Выстроились они по росту – от крошечного кузнечика-мирама до огромной дыбки.

– Крыльями чур себе не помогать! – пискнула бескрылая крошка-мирам.

– Не помогать, – поддержала его дыбка, у которой тоже не было крыльев.

– Чего ей жаловаться, чего просить, – зашептались зрители, – и так неравные состязания получаются. Сейчас эта здоровая дыбка как прыгнет – всех позади оставит.

Мирам, кузнечик крошечный, прыгнул вперёд на расстояние больше себя в двадцать раз. Все восторженно и громко зажужжали, застрекотали.

Скачок пятнистый махнул вперёд на расстояние в тридцать раз больше, чем он сам. Зрители дружно восхищенно зашумели.

Кузнечик зелёный оттолкнулся мощными задними лапами и скакнул, выставив навстречу ветру круглую грудь. Только его и видели. Нашли потом прыгуна в кустах на расстоянии в сорок раз больше, чем он сам.

Пришло время прыгать и дыбке степной. Насупилась она:

– Не умею я прыгать.

– Как не умеешь, вон какая здоровая! – присвистнул судья-сверчок.

– По земле хожу, лапками перебираю. Если прыгаю – то только с высоты вниз. Только так могу, – потупилась дыбка.

– Как же ты охотишься, если прыгать не умеешь?

– Подстерегаю своих жертв ночью, сижу неподвижно на кустике, пока добыча сама поближе не подобрётся.

– Ну что с тобой поделать, тогда прыгай сверху вниз.

Забралась дыбка на самый высокий стебель на поляне и сиганула вниз. Присудили ей почетное четвёртое место.

А кузнечик зелёный опять грудь колесом выставил и ходил победителем, расправляя крылышки.

Собрал тогда сверчок опять кузнечиков всех видов и родов и предложил:

– Ну что, прыгуны зелёные. Вы же ещё и певцы великолепные. Давайте мы в конце праздника концерт устроим с самым громким пением в округе. А я у вас дирижёром буду.

Запомнился всем День насекомых. С тех пор маленькие обитатели полей и лугов и празднуют его каждый год в июне.

Оса-одиночка

(Прионикс траурный – Prionyx macula)

Я родилась в доме глубоко под землей. Мой дом оказался съедобным – пока я подрастала, я грызла его стены, пол, потолок. Потом я поняла, что живу в саранче, которую мама принесла в «гнездо» до моего рождения. Я представляла себе, будто мой дом – это большой космический корабль, в котором я лечу по широкому подземному коридору, чтобы вылететь в открытый космос.

Испокон веков наши мамы, роющие осы, оставляют нас, личинок, в норках. Они крепко-накрепко запечатывают вход, спасая своих детей от хищных насекомых.

Время от времени я слышала, как рядом, в земле, осы копали подземные дома, затаскивали в них добычу и отправляли в «полёт» своих личинок.

Вскоре я подросла, превратилась в молодую осу. Мне стало тесно и скучно под землей. Но раскопать вход и выбраться наружу оказалось непросто. Два раза я пробовала вытолкнуть камушек, которым мама закрыла ход. Два раза мои попытки оканчивались ничем, и мне приходилось отдыхать и набираться сил. И только в третий раз у меня получилось выбраться наружу.

Я оказалась под ярким солнечным светом. Рядом с норкой текла большая река, росли цветы, кусты и деревья. За спиной расправились крылышки, они затрепетали и подняли меня в воздух. Теперь я сама стала настоящим летающим кораблем, и весь мир лежал передо мной.

Сначала я попробовала нектар цветущей жёлтой ферулы, потом попила воды. Наступали сумерки и становилось прохладно. Я села на прогретую солнцем землю и прижалась к ней брюшком.

Рядом приземлилась такая же земляная оса. И я поняла, что у меня за спиной тоже чёрные прозрачные крылышки. Мы, роющие осы, живем поодиночке, но я была ещё молодой и неопытной, поэтому обратилась к незнакомке:

– Помогите! Мне холодно и одиноко, и я не знаю, где моя норка, где можно переночевать.

– Так ты новенькая? – спросила оса. – Не беда, я всё расскажу! Выбравшись из земляного гнезда, мы уже не возвращаемся обратно. Ночуем

на растениях. – Соседка взлетела и зацепилась ножками за стебель белого донника. – Делай как я.

Так мы с новой знакомой провели ночь на стебле белого донника. А на следующее утро наперегонки полетели по лугу. Она показала мне, где растут васильки и полевые вьюнки, наполненные вкусным нектаром, и как доить тлю. Подруга научила меня рыть глубокие норки и охотиться на саранчу.

– Нам надо быть смелыми и ловкими, чтобы справиться с добычей и вывести детей. Тренируйся летать на скорость, рой землю, сделай свои крылья и лапки сильными и крепкими. И опасайся пчёл, мы с ними – вечные враги.

– Давай охотиться вместе, – предложила я новой знакомой.

– Нет, мы, роющие осы – охотницы-одиночки, – ответила подруга, попрощалась и улетела.

Настал день, когда и я выкопала ямку и оставила свою личинку в съедобном доме под землёй. Потом взлетела над своими владениями и зависла в воздухе, любуясь своим «космосом» – гладью реки, небольшой рощицей туранги, зеленой поляной, покрытой цветами. День клонился к вечеру, с реки уже потянуло холодом, и я присела на теплую, прогретую солнцем землю. Вдруг услышала голос рядом:

– Простите, чёрная оса. Я не знаю, где моя норка. Мне холодно и одиноко, – маленькая незнакомка с блестящими прозрачными крыльями просила о помощи.

Заветное желание

(*Бражник туранговый – *Laothoe philerema**)

Апрель выдался тёплым, цвели каштаны, укрывая улицу белорозовыми облаками. Карина сидела у окна, и ничто её не радовало. Полгода назад пропал папа. Он поехал на рыбалку, на Капчагайское водохранилище. День был ясным и тихим, и он на надувной лодке отплыл далеко от берега. Внезапно небо затянуло низкими грозowymi тучами, потемнело, поднялись высокие волны. Начался сильный шторм с дождём и снегом. С рыбалки папа не вернулся. Потом, когда шторм прошёл, спасатели долго искали пропавшего. Но никого и ничего не нашли.

Воскресенье класс собирался ехать на экскурсию на Писанные камни: дети вместе с родителями. Карине не очень хотелось, но кто-то из одноклассников сказал, что перед этим, с утра пораньше, они заедут в заповедник бабочек. Заповедник открыли в маленькой туранговой роще у реки Или, совсем рядом с Капчагайским водохранилищем. Там было много разных интересных бабочек и других насекомых. Но там жила одна бабочка, очень-очень редкая. И она могла исполнить заветное желание того, кто её найдёт и увидит.

Карина рассказала маме про заповедник:

– Поехали, пожалуйста...

– Хорошо, – сказала мама, – поехали.

Она понимала, что никто не сможет исполнить их заветное желание. Но согласилась, чтобы не расстраивать дочь.

Рано утром в воскресенье туристический автобус выехал на капчагайскую трассу. В салоне царил тишина – все спали, пользуясь случаем. Но вот автобус съехал на бездорожье и затрясся, пробираясь по рытвинам и кочкам. Вскоре подъехали к берегу реки. Дети наперегонки бросились к роще, а взрослые потянулись за ними.

У деревьев их встретил служитель и первым делом рассказал о правилах поведения: что можно и что нельзя делать. Ловить никого нельзя, ветки не ломать, цветы и траву не рвать. Потом указал на большой стенд. На стенде

висели фотографии обитателей заповедника. И отдельно снимок маленькой невзрачной бабочки – бражника турангового. Под снимком была надпись: «Я исполню желание, если ты меня найдёшь».

Служитель добавил:

– Во всём Казахстане только в этой роще живёт туранговый бражник. И бабочка эта настолько редкая, что её не видел даже я. А я здесь работаю уже много лет. У вас полчаса, гуляйте. Ведите себя правильно.

Прибывшие разбрелись по роще. Карина ходила среди деревьев и обращалась неизвестно к кому: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Можно я увижу бражника. Я же не буду просить пятерки или новый компьютер. Мне надо, чтобы мама не плакала и я снова обняла папу».

Внезапно с ветки слетел листик. Девочка удивилась: «Надо же, весна, листья зелёные, молодые. А этот как будто с осени остался, какой-то бледный, жёлто-серый...» Но «листик» не упал на землю, а плавно опустился на ветку пониже. Карина поняла, кого она видит.

– Не улетай, прошу, не улетай!

– Я и не улетаю. Ты меня увидела, и я должна исполнить твоё желание. Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы вернулся папа.

– Хорошее желание, – прошепестела бабочка. – За свою жизнь бабочка может исполнить только одно желание. Хочется, чтобы оно было важным. А то у моих сородичей люди чего только не просили – деньги, дома, машины, золото-брильянты разные... Я твоё желание исполню с удовольствием. Пусть так и будет.

– А можно я тебя сфотографирую?

– Нет, не стоит. А то в рощу будет приезжать ещё больше людей. Молчи, и тогда твоё желание исполнится.

И бабочка будто растворилась в воздухе.

Полчаса истекли. Туристы забрались в автобус и поехали на Писанные камни. Карина ничего не рассказала маме, но в сердце затеплилась надежда.

В город экскурсанты приехали поздно. Усталые мама с дочкой зашли домой.

– Карина, это ты забыла выключить на кухне свет? – Мама недовольно поджала губы. А Каринка, бросив рюкзак и не снимая обувь, кинулась на кухню. Там за столом сидел папа и пил чай из большой фарфоровой кружки.

Мама снова плакала, только теперь от радости. Плакала и Каринка. И даже папа смахивал с ресниц слёзы.

Немного погодя папа рассказал, что с ним случилось. Когда начался шторм, лодку отнесло непонятно куда, потом она перевернулась.

– А потом я ничего не помню. Очнулся на берегу. Без сапог, без куртки... Рядом какая-то старушка меня за плечо трясёт. В общем, отвела к себе. В заброшенном посёлке она одна осталась – век доживать. Электричества нет, связи нет, никого из людей нет. Из хозяйства – домик, коза да несколько кур. Выходила бабушка меня потихоньку. А я не помню ничего – ни кто я, ни зачем я здесь. Вообще ни-че-го. В карманах только ключи – тоже неизвестно от чего. Так зиму перезимовали – я дрова колот, снег расчищал, домик подлатал, печку новую сложил. Весна пришла – огород вскопал, картошку посадил. Всё бабушке легче. А сегодня утром решил рыбы наловить и как стукнуло меня: всё вспомнил – и себя, и вас, любимых.

«Спасибо бабочке-бражнику и незнакомой доброй бабушке!» – обнимая папу, думала Карина.

Крылатая карта

(*Орденская лента туранговая – Catocala optima*)

Давным-давно, в сказочные времена, когда на земле происходило много чудес, жили рядом две девушки-волшебницы. Одна повелевала птицами и животными, и звали ее Мала, вторая понимала растения и насекомых, и звали ее Арья. Полюбили они одного юношу, Замира, и он выбрал Арию.

Рассердилась тогда Мала, призвала на помощь больших тигров. Под покровом ночи тигры схватили девушку, унесли далеко-далеко и заточили в высокую башню на берегу реки. Раз в день приносили пленнице скудную еду – хлеб да воду. В башне не было окон, и только сквозь узкие щели проникали внутрь ленты солнечного света. Очень хотела Мала, но не могла погубить соперницу, потому что та тоже обладала волшебной силой.

Верный Замир искал возлюбленную повсюду, но не находил. Зажёг тогда он у себя в доме лампу, которую поклялся не гасить, пока не найдёт невесту. Так прошло несколько лет.

Запертая в башне Арья попросила муравьёв принести ей семена туранги – тополя сизолистого и посадила в землю. Когда туранга выросла, она стала давать девушке свою кору, тонкую, как шёлк. Пчёлы приносили волшебнице разноцветную пыльцу, из которой девушка делала краски. Она брала кусочки коры тополя и на каждом рисовала карту, указывая Замиру дорогу к башне. Потом выгалкивала через щели кору наружу, и та превращалась в разноцветных бабочек. Они летели туда, где жил её возлюбленный.

Но заметила Мала хитрость пленницы и отправила к башне птиц, которые склевывали разноцветных бабочек.

Тогда Арья взяла кусочек коры и разрисовала верхнюю часть тёмно-серой краской, чтобы птицы не заметили живую крылатую карту. А на нижней части она изобразила всю чёрную тоску свою, рвущуюся из башни к ленте яркого солнечного света.

Волшебница вытолкнула кусочек коры ночью, когда птицы дремали.

Полетела туранговая бабочка к дому Замира и стала биться о стекло горячей лампы. Проснулся Замир, догадался, что это посланница от Арьи. Сумел прочитать он карту, написанную на крыльях бабочки, понял тоску своей любимой в заточении.

Вскочил Замир на коня и помчался к истоку реки. К утру увидел он башню и ее охранников – страшных тигров и больших птиц. В тяжелом бою одолел юноша всех. Потом разрушил башню и вызволил возлюбленную Арию.

Они вернулись домой, но ещё до их возвращения прилетели птицы к Мале и предупредили, что освободил Замир свою любимую. Мала сбежала, и больше её никто и никогда не видел.

А серые невзрачные бабочки с тех пор живут в туранговых рощах. Но как только они расправляют крылья, можно увидеть яркую красно-оранжевую ленту – свет солнца, победившего тьму.

Дорогая краска

(*Кошениль польская – Porphyrophora polonica*)

Яник вернулся с экскурсии на Исыкские курганы. Ребят на летних каникулах повезли в Музей Золотого человека. Поездка заняла целый день, она была долгой, но очень интересной. Яник нафотографировал курганы, экспонаты в музее, друзей, и ему не терпелось показать всё маме.

Проголодавшийся мальчик за ужином сметал с тарелок макароны с сыром, котлеты, салат из огурцов, печёную тыкву со сметаной, заедая всё это пирожками и запивая компотом.

– Ешь, не спеши, – мама с тревогой посмотрела на сына.

– Вкусно. И я кушать сильно хочу. Знаешь, какой там воздух сладкий? Мы так много увидели. И по степи набегались...

– Не разговаривай с полным ртом, – нахмурилась мама.

Яник допил компот:

– Всё, теперь рот свободный, – он взял телефон. – Вот, смотри, это Золотой человек. Мам, а кстати, почему у него одежда красная?

Мама задумалась и стала рассказывать всё, что знала о том, как раскопали курган, как нашли Золотого человека.

– Ма-а-ма! Нам это всё сказали. Я тебя про одежду спрашиваю. И ещё, вот смотри – сумка с бронзовым зеркалом и красной краской...

Мама внимательно разглядывала фотографию на экране телефона:

– Интересный вопрос... не знаю, почему красная. Может, потому что красный цвет символ власти? Символ богатства и жизни. А может, потому что кармин самая дорогая краска была, – мама подняла глаза к потолку, вспоминая, – нет, пурпур и шафран тоже не дешевле были. Всё. Иди спать, утром поищем информацию.

И Ян пошёл спать. Он устал так сильно, что уснул, как говорят, «на лету», не успев толком раздеться.

А ночью раздался шорох, он звучал всё сильнее и сильнее, пока не превратился в шум. Мальчик открыл глаза и обвёл взглядом комнату. Из окна падал свет фонарей, и он увидел, что до самого потолка стены покрыты непонятными красными, розовыми, бордовыми шариками. И эти шарики будто бы заползают к нему на кровать.

Яник обнял колени руками, набрал в грудь побольше воздуха и приготовился отчаянно завопить.

– Не ори! – раздался тихий командный голос. – Мы с миром. Ты хотел про красную краску узнать?

Мальчик кивнул и выдохнул.

– Расскажем, братья? – красно-розовая масса отозвалась гулом, и от неё отделились четыре «шарика». Они были похожи на маленькие ягодки малины или недоспелой ежевики. Но, оказывается, это были насекомые. – Нас зовут кошенильные червецы, или, попросту, кошениль. Знакомья: кошениль араратская, кошениль дубовая, кошениль мексиканская и я, кошениль польская. – Каждый из шариков покрутился на месте, приветствуя Яна.

К ногам мальчика подкатился «шарик» алого цвета:

– Я кермес – дубовая кошениль. Понятно, что живу я на дубах. И известен с незапамятных времен. Точнее, со второго тысячелетия до нашей эры. Сохранилась глиняная табличка, на которой написано клинописью, что красная ткань продана за пять талантов меди.

– А разве талант бывает медным? – поразился Ян.

– Таланты бывают разные – и медные, и серебряные, и золотые. Это древняя мера веса примерно в 26 килограммов.

– Ой, – сказал мальчик, – значит во мне полтора таланта есть.

– А рядом со мной, вот эта слева, араратская кошениль, она самая яркая. Из неё ещё чернили красные делали, для особых записей. – Ярко-алый «шарик» покрутился на месте. – А справа кошениль мексиканская. Как в Европу из Америки попала, так всех победила и всех вытеснила. – Бордовый «шарик» мало того что покрутился на месте, ещё несколько раз немного подпрыгнул.

– И чему ты радуешься? – печально сказала польская кошениль. – Мы-то вымираем потихоньку. Я вообще уже в Красной книге, как редкий вид. А когда-то по всей Евразии жила. Польской-то нас позже уже назвали. Но это другая история...

– И как же вы жили?

– Как, как... сурово! На одном растении всего сорок насекомых. И приходилось собирать тысячи растений, чтобы изготовить необходимое количество краски. Представляешь, сколько нас было. Где те времена... Самые дорогие ткани были красными. Самый древний ковёр – тоже красный.

Червецы загомонили, перебивая друг друга. Но польская кошениль собралась с силами и перекричала всех:

– А одежду Золотого человека всё-таки покрасили мы!

Яник проснулся. Он так и лежал полуодетый поверх одеяла. Никаких красных «шариков» в комнате не было. Мальчик вскочил и закричал:

– Мам, теперь я знаю, почему у Золотого человека одежда красная!

Бои без правил

(Оленёк обыкновенный – Dorcus parallelipipedus)

Жанат нехотя собиралась в гости. Надела праздничное платье, взяла с собой панамку, в сумочку положила воду и телефон.

«Ещё есть шанс уговорить маму всё-таки выбраться в рощу, – девочка потеряла ремешок от сумки, – эх, была не была!» – она решительно прошла в другую комнату.

– Мам, ну завтра последний день же!

– Последний день чего? – мама подкрашивала ресницы, глядя в зеркало.

– Конкурса! Если я не отправлю все четыре фотографии, пролетаю с участием в этом году. А мне как раз только одной не хватает, «лесной».

Мама озадаченно нахмурилась, повернулась к Жанат:

– Где же мы лес в Алматы найдем?

– Ну, я думала мы в рощу Баума поедем, или в Ак-Кайын. Куда-нибудь, где деревьев много. Вот и будет лес.

– Так, – задумалась мама, и тут ее осенило: – Но ведь рядом с тётёй Асей как раз парк есть! Большой, там тоже много деревьев. Пойдешь туда, сделаешь снимки.

– Ма-а-ам... Но я же тот район совсем не знаю.

– А мы Талгата, сына тётё Аси, попросим – он тебя проводит и поможет удачные кадры подыскать. Я уверена, там и птицы будут, и белки. И деревья и животные, получается.

Перспектива идти с малознакомым мальчишкой в парк не очень обрадовала Жанат. Но делать было нечего, если мама настроилась поехать в гости к подруге, ее уже не переубедишь:

– Хорошо, будем искать белку, – вздохнула девочка, – тогда я беру с собой телефон с хорошей камерой?

– Ну конечно!

Жанат вернулась к себе, аккуратно уложила ещё один телефон для съёмок в сумочку. Это был папин подарок на день рождения.

По приезду домой к тётё Асе мама с дочерью разделились. Жанат с Талгатом тут же отправились в парк, а подруги сели пить чай.

Девочка шла рядом с худощавым высоким парнишкой, который увлеченно переписывался с кем-то.

– Эх, – сказал он, убрав телефон с разбитым экраном в карман, – футбол пропускаю. Так что тебе, говоришь, надо в парке сделать?

Жанат, стесняясь, рассказала ему про фотоконкурс, в котором она участвовала впервые. У неё уже было три фотографии, которые они сделали вместе с папой. Девочка показала снимки:

– Смотри, вот мы на речке были, на Или, – видишь, вот сом плывет, смотри, какой огромный, у самого берега, хорошо позирует. А вот на Талгарском

перевале скалы, и среди камней куница выглядывает. А вот – ящерка в пустыне. То есть три кадра у меня есть.

– Река, скалы, пустыня, – хмыкнул Талгат, – теперь, значит, лес нужен?

– Да, хотя бы одно дерево, и кто-то на нём, – несмело улыбнулась Жанат, – поможешь?

– Да без проблем, у нас в парке белок много. Отщёлкаешь, и потом на футбол пойдем, – мальчик покосился на Жанат, – покажу тебе, как я головой забиваю.

Ребята прошли по берёзовой аллее, поднялись к соснам. Белок нигде не было видно.

– Жарко, вот вся живность и попряталась, даже птиц нет, – расстроилась девочка.

Они сделали ещё пару кругов и вышли к дубам.

– Давай отдохнём, – попросила Жанат и присела на траву в тени большого дуба, – смотри, как в лесу. Так много деревьев.

Талгат посмотрел сколько времени, досадливо поморщился.

– Ух ты, смотри, что это там? – Жанат указывала на дубовый пенек, спиленный почти вровень с землей. В центре пенька древесина уже превратилась в опилки, которые взлетали в воздух маленькими фонтанчиками из-за того, что кто-то в них копошился.

Ребята подобрались поближе и увидели, как из пня выбрался крупный чёрный жук с маленькими рожками на голове. Он отполз из опилок в сторону, посидел немного на солнышке и расправил крылья.

– Фоткай скорее! – замахал руками Талгат.

– А жуки – это разве звери?

– Да неважно! Я такого никогда не видел! Фоткай скорее, а то сейчас улетит!

Жанат быстро настроила макросъемку и сделала несколько первых кадров. Как раз в это время одновременно ещё пара жуков выбиралась из опилок. Они выползли на поверхность, сцепившись рожками. Пока они пытались расцепиться, девочка «отщелкала» их со всех сторон.

Когда жуки улетели, ребята, забывшие и про белок, и про птиц, сели на скамейку и стали просматривать снимки.

– Хорошая новость в том, – провозгласил Талгат, – что насекомые в целом и жуки в частности относятся к животным. Так что есть у тебя кадр «леса» с его обитателями.

– Не очень хорошая новость в том, – подхватила Жанат, которая тоже успела погуглить, – что я не могу определить, что это за жук. Вроде с рогами, но это точно не жук-олень, они у нас вообще не водятся.

– А мне вот этот кадр больше всего зашёл, – Талгат ткнул в экран. На снимке два огромных чёрных жука на пеньке, снятые на фоне синего неба и зелёной листвы, как будто сцепились в смертельном поединке.

– Этот и отправлю. Назову: «Бои без правил», а там уже пусть судьи сами разбираются, что это за жуки.

– У тебя телефон крутой вообще, – присвистнул Талгат, – таких небольших созданий так чётко сфоткал. А я специально со старым хожу. А то на футболе пнул один раз вместо мяча случайно. Футбоооол... – даже застонал он и, хлопнув себя по лбу, взглянул на время. – Всё, занятие закончилось. Ну да ладно, я вот даже не думал, что фотоохота на насекомых – это интереснее, чем мяч гонять.

Друзья вышли из парка и отправились домой. А ещё через две недели Жанат позвонила Талгату и рассказала, что их снимок с жуками выиграл

главный приз конкурса мобильной фотографии. Ребята поймали момент, когда куколки оленька обыкновенного превратились во взрослых жуков и вылетели на свободу.

– Представляешь, этот жук, оказывается, в Красную книгу включен. Кто-то из жюри показал снимки учёным. А зоологи даже и не думали, что этот жук-олёнёк может так далеко на юге селиться. У меня интервью взяли, все снимки в институт попросили отправить.

– Приезжай, – рассмеялся Талгат, – пойдем ещё раз на фотоохоту!

Помоги, Великий Жук!

(Златка большая [тополёвая чёрная] – *Capnodis miliaris*)

По широкой бескрайней степи текла речка. Вода дарила жизнь: по берегам реки зеленела трава, росли рощи туранги – тополя сизолистого. Вот в одной из таких пронизанных солнцем роц и жили жуки-златки. Им всем хватало места и еды, воды и солнца. Но однажды самый старый и опытный жук-златка увидел, что река постепенно мелеет. Воды стало намного меньше, и русло в некоторых местах почти пересохло. Тогда старейшина собрал совет и сказал:

– Собратья, вы видите, что происходит. Очень скоро река может исчезнуть. Тогда не будет больше нашей рощи, нечем будет кормить наших деток.

– Что же нам делать? – зашумели сородичи.

– Надо перебираться в новое место, к другой, полноводной реке.

Сказано – сделано, собрались жуки-златки и в один тёплый осенний день улетели искать новые места.

Только одна златка осталась в роще. Когда её сородичи собирались в дорогу, спряталась она между деревьями, под опавшими листьями. Двадцать дней назад она отложила яйца, и из них только-только вылупились личинки. Не могла она оставить своих деток.

Златка заботилась о личинках, учила, как выживать в роще, на зиму уложила их спать в норке, выкопанной в земле и выстланной тополиными листьями.

Весной шли обильные дожди, степь цвела и зеленела. Личинки после зимней спячки подросли и окрепли. Но наступило лето, и златка обнаружила, что река пересохла. Она забеспокоилась: что же будет с её детьми? Воды нет, травы нет, да и деревья засыхали одно за другим. С трудом семейство пережило жаркие месяцы. А когда пришла осень, златка приняла решение.

Она выкопала глубокую норку в корнях единственного не засохшего тополя – самого большого дерева рощи. Устроила там личинок и решила попросить помощи у Великого Жука. Великий Жук, по преданиям, жил в глубинах земли. Он слышал молитвы всех, кто к нему обращался и мог помочь им в трудные времена.

Златка укрыла деток сухими листьями и взмолилась:

– О Великий Жук, пошли им долгий сон. Пусть они спят, пока река не вернётся в своё русло и пока не оживёт роща.

Услышал мольбу матери Великий Жук и послал личинкам глубокий сон¹. Убедилась златка, что детки крепко заснули, и улетела к сородичам.

Много прошло лет. Река снова «оживла» – стала бурной и полноводной. Снова зазеленела по берегам трава, выросли рощи туранги. Возродилось и старое дерево. Личинки проснулись и превратились сначала в куколок, а потом в крепких жуков-златок. Они поблагодарили Великого Жука за его помощь.

С тех пор жуки-златки жили в туранговой роще. Их золотистые крылья сверкали на солнце, напоминая всем о чуде возрождения.

¹ Рекорд долгожительства принадлежит жуку-златке, который провёл в стадии спящей личинки целых 47 лет, после чего проснулся.

Посадочные огни

(Коровка тянь-шанская – *Coccinella tianshanica*)

Много-много лет назад разведывательный катер инопланетян прибыл на Землю, чтобы пополнить запасы биокорма и семян. Пришельцы прилетели с далёкой планеты Колеоптера. Они высадились в горах, чтобы избежать встречи с людьми.

Разведчикам нужно было подготовить место, чтобы посадить на землю эскадру межзвёздных кораблей.

– Нам нужны яркие и хорошо заметные на фоне земной зелени посадочные огни. Они должны быть похожи на те, которые мы используем на Колеоптере, – биоинженер Куж собрал с зелёной горы, на которую приземлился катер, первые образцы местных обитателей, принес в лабораторию.

– Будем выводить новый вид насекомых? – спросила его помощница Имага.

– Да, нам ничего не остается, – Куж потер лапками усы. – Подключим межгалактический разум и создадим новый вид живых организмов.

Имага вздохнула:

– Придется повозиться. А мы не можем установить обычные огни, которыми пользуемся на родине?

– Нет. Исследования показали, что земные растения заполонят собой всё и скроют наши сигнальные огни.

– Ух, – зажмурилась от удовольствия Имага, – растения, которые мы с таким трудом разводим на родине, здесь растут сами по себе, жуй – не хочу!

– Ну да, – кивнул Куж, – недаром наши предки жили на этой планете когда-то.

Биоинженер положил в генный модификатор шестиногое создание с небольшими усиками. Вскоре межгалактический интеллект предложил инженеру несколько видов существ, которые смогут выжить в горах Тянь-Шаня с его низкими зимними температурами и изменчивым климатом.

– Зимой прилетать не будем, зелени нет, поэтому возьмем насекомое, которое впадает в спячку, – Куж выбрал необычное существо с красной спинкой и черными точками на ней и довольно потёр лапками: – Ну вот, по расцветке – то, что нужно. Будут ярко выделяться среди зелени! Настроим наши летательные аппараты на этот узор. За километры горная взлетно-посадочная полоса будет видна.

– А если эти насекомые под листья забьются или в корни куда-нибудь? – забеспокоилась Имага.

– Это дело поправимое! Добавим в гены любовь к теплым, нагретым солнцем поверхностям, будут сидеть на листьях, а не под ними. А ещё добавим проживание семейством – чтобы жили вместе и их было хорошо видно.

Но вскоре пришельцы столкнулись с ещё одной задачей – как сделать так, чтобы таких ярких насекомых не съели другие хищные существа?

Тогда инженеры добавили в генный набор нового насекомого яд, выделяемый лапками. Куж удовлетворенно поскрипел надкрыльями:

– Ну вот, этот яд сходен по составу с тормозной жидкостью наших кораблей. Когда приземлимся, живые «посадочные огни» выделяют яд, и мы пополним запасы тормозной жидкости.

Навигационные огни получились просто на диво и на загляденье яркими. «Кочинелль», как назвала их Имага, были в несколько раз меньше колеоптян. Они светились под лучами солнца красными огоньками. Питались новые насекомые тлём, которой было полно на горной полыни.

Вскоре прилетели первые межзвёздные корабли, совершили благополучную посадку. Колеоптяне законсервировали и набрали с собой сочной земной зелени и улетели обратно на далекую Колеоптеру.

А учёные нашли в этих местах новый вид божьих коровок – «коровку тьянь-шанскую». У каждой было по девять пятен на ярко-красной спинке: одно центральное, около маленькой головы, и по четыре с каждой стороны.

Вот только не предугадали пришельцы-колеоптяне, что люди станут заселять предгорья и горы, пасти скот и строить дома. И постепенно «посадочные огни», созданные колеоптянами, начнут вымирать.

Пришельцы

(Усач мускусный илийский – Aromia pruinoso)

- Командир, не вижу посадочных огней!
- Они должны там быть. Смотри внимательнее. Следи за высотой!
- Уводи, уводи корабль на равнину!
- Система и здесь ничего не пока...

Инопланетный космический корабль потерпел крушение. Места были безлюдные, заповедные и аварию просто никто не заметил.

* * *

Семья из трёх человек расположилась на берегу реки Или. Папа и мама были энтомологами² и трудились в Институте зоологии. Поэтому на Или они занимались научной работой. А дочку взяли с собой – побыть на природе, подышать свежим, не городским, воздухом.

Рано утром родители, взяв с собой сачки, коробки и банки, отправились в прибрежную рощу. Там они собирали в коробочки разных насекомых и вдруг увидели нечто необычное. Среди травы на небольшом песчаном пятнышке лежал на спинке и слабо шевелился жук. Рядом с ним стоял другой точно такой же и как будто гладил первого лапками.

Жуки были прекрасны: изящные, со стройными телами, с длинными суставчатыми усами на аккуратных маленьких головах. И ещё поражал цвет – сквозь черноту будто бы пробивалось золотое сияние солнечных лучей.

– Это же, это... – у папы перехватило дыхание, – мускусный усач. Я думал, они уже всё... сократились до полного исчезновения.

– Усач-то усач, – мама достала стеклянную банку и осторожно перенесла туда насекомых, – да не совсем. Смотри, вроде на первый взгляд незаметные, но отличия есть. Надкрылья шире, чем должны быть, и узор странный.

Они вернулись к палатке, разбудили дочку Рузю, на скорую руку позавтракали. А потом показали находку:

– Смотри, Рузя, это неизвестный науке вид насекомых. Поэтому мы сейчас быстренько пробежимся, ещё поищем, а ты потихоньку готовься к отъезду. После обеда нам надо добраться в город, чтобы привезти жуков в институт живыми.

– Да я всегда готова, – засмеялась Рузя, – можно я пока облепиху пособираю?

Родители разрешили и умчались, а девочка взяла ведёрко и пошла за облепихой. Она осторожно срывала с ветки ягоды, чтобы не пораниться о колючки. И вдруг на ягодах она увидела жука. Очень похожего на тех, которые сидели в банке. Рузя решила поймать его, протянула руку, и вдруг услышала странный голос, он как будто звучал в её голове:

– Не трогай, прошу! Лучше помоги мне.

Рузя в испуге отпрянула от куста, но любопытство победило.

– Ты кто? Ты жук? Но насекомые не могут разговаривать по-человечески.

– Я жук, но не совсем. Я инопланетянин, пришелец. И я не разговариваю, а передаю мысли, образы, формы. Ты слышишь это как голос.

² Энтомолог – человек, изучающий насекомых.

– Как интересно! А как ты меня понимаешь, я же говорю словами?

– Читаю мысли.

– Так откуда ты, пришелец? И почему похож на наших жуков?

И маленький инопланетянин рассказал такую историю.

– Когда-то давным-давно, ещё до людей и даже до динозавров, на земле была цивилизация разумных насекомых. Когда стал меняться климат, мы, насекомые, решили отправиться в другие миры. “Вырастили” космические корабли и полетели на поиски. Много прошло времени, но один корабль всё же достиг планеты, пригодной для жизни. Это оказалась планета Колеоптера. Прошло много миллионов лет, и мы решили, что пора посетить Землю, нашу прародину. Посмотреть, запастись семенами, наконец-то наладить контакт. Мы несколько раз прилетали и всегда успешно. Но насекомые, которых мы вывели и которые помогали сажать наши корабли, вымерли. И наш космолёт потерпел крушение.

Жук тяжело вздохнул.

– Командир ранен. Бортинженер остался с ним, а я – врач, отправился на поиски лекарства. Сок этих ягод поможет залечить раны. Но я увидел, как люди, похожие на тебя, но намного больше, забрали моих товарищей.

– Эти люди – мои родители. И я знаю, где твои товарищи, прыгай в ведёрко, – и Рузя со всех ног бросилась к стоянке.

В палатке она осторожно достала из коробки банку с жуками, вынесла наружу и сняла марлю, которой была завязана горловина. Насыпала внутрь горсть облепихи. Жук-врач влетел в банку и раздавил ягоду над лежащим командиром. Через некоторое время лекарство подействовало, пришельцы выбрались из банки и поднялись перед Рузей на задние лапки.

– Благодарим тебя, добрая душа, – сказал Командир. – Наш корабль сам восстановится к вечеру, и мы улетим домой.

– И мы больше никогда не встретимся? – печально спросила девочка.

– Мы вернёмся, мы обязательно вернёмся! – и жуки-инопланетяне растворились в густой траве.

Когда пришли родители, Рузя честно призналась, что это она выпустила жуков на волю. Потому что это были не жуки, а инопланетяне. И они хотели вернуться на свою родную планету.

Родители не стали наказывать дочь. Папа только вздохнул:

– Фантазёрка ты наша...

А мама обняла дочку и сказала:

– Тогда останемся ещё на пару дней.

Вечером семья сидела у костра, и Рузя рассказывала про времена, когда миром правили насекомые.

* * *

– Кораблю взлёт!

– Командир, может, попрощаемся с землянами?

– Обязательно.

* * *

Внезапно Рузя замолкла на полуслове, а потом закричала:

– Смотрите! Смотрите!

Маленькая светящаяся сфера сделала несколько кругов вокруг костра, стремительно поднялась вверх и растворилась в звёздном небе.

Пчела-невидимка

(*Pararophites округлый* – *Pararophites orbinus*)

Майским солнечным днём две семьи сидели с удочками на берегу реки. Папа и мама Тимы, папа и мама Димы, и чуть подалее сами Тима и Дима. Рыба не клевала. Неожиданно папа Тимура спросил:

– А вы знаете, какой сегодня день?

Никто не знал.

– Сегодня двадцатое мая – Всемирный день пчёл.

– Ну и что? – вяло поинтересовался кто-то.

– Ничего. Просто старую мудрость вспомнил: пчела летит на приятный ей запах, и муха летит на запах, приятный ей. Но каждой своё.

Взрослые засмеялись.

– Не смешно, – вздохнул Тима и положил удилище на землю. – Искупаться бы сейчас.

– Нельзя, «течение слишком сильное, вода холодная», – сказал Дима, подражая старшим. – Сами-то вон делом заняты, – родители с удочками в руках тихо разговаривали, – а мы, значит, скучать должны.

– А давай наперегонки во-он до того холма?

– Ага, – обрадовался Дима, – давай! Полетели. Кто первый – тот пчела. А кто второй – тот... муха!

Друзья раскинули руки в стороны, зажужжали-загудели на два голоса и помчались наперегонки. Бежать было трудно – ноги то увязали в песке, то проскальзывали на мелких камешках. До холма добежали одновременно и без сил свалились в густую траву. Полежали немного, отдохнули, и вдруг Дима принялся и спросил:

– А чем это так вкусно пахнет?

Тима перевернулся на спину, приподнялся на локтях, огляделся:

– Так это гармала цветёт. Весь склон зарос, и мы с тобой в цветах лежим.

– Откуда ты знаешь название? – Дима с уважением посмотрел на друга.

– После того, как мы с тобой в горах безвременник нашли, я все книжки про растения, какие в библиотеке есть, прочитал, – и честно добавил: – Вообще-то их всего одна была. Зато толстая.

– Круто! Я про такое растение даже не слышал никогда. И не видел.

Тима засмеялся:

– Да знаешь ты, знаешь! И видел, и даже нюхал. Это адраспан! На базаре тётушки с ковшиками ходят и прилавки окуривают – злых духов отгоняют. Ну, и чтобы торговля шла хорошо.

– Там запах – туши свет, – Дима потряс головой, – а здесь – так бы всю жизнь и нюхал.

– Так там сено-солому палат, а здесь цветы живые, – мальчик легко провёл по кустику гармалы ладонью.

Кустик недовольно зажужжал и тоненьким голосом сказал:

– Осторожнее! Я работаю здесь!

– А-а-а-а!!! Мама!!! – заорали в один голос друзья.

– И незачем так орать! Не съем я вас. Человеками не питаюсь.

Мальчишки переглянулись и опять одновременно спросили:

– Ты кто?

– Я – пчела.

– Ты говорить умеешь? Где твой улей? Ты где живёшь?

– Ах, как много вопросов сразу. – Голос довольно захихикал. – Отвечаю: говорить умею. Я много чего умею. Нет у меня улья. Сама по себе живу. Есть общественные пчёлы – их по 50 тысяч в одной семье! И одиночки, такие как я. Живу в песках. И только один вид растений опыляю. Вот этот.

Неожиданно поднялся ветер, небо затянули плотные облака, за которыми спряталось солнце.

– Так, мне пора, – белый цветок закачался на стебле.

Тима и Дима наперебой стали упрашивать:

– Пожалуйста, подожди немного. Ещё расскажи о себе.

– Мы, пчёлы, 100 миллионов лет на свете живём. Никакого времени не хватит обо всём рассказывать. Всё, погода портится. Мне до дождя надо в норку успеть.

– Пчела, пчела, дай хоть на тебя посмотреть...

– Ишь, хитренькие какие. Я даже для вашей человеческой Красной книги редкость. Никто меня не видел и не увидит. Некогда мне. Прощайте!

Из цветка стремительно вылетела пчела. Она унеслась так быстро, что мальчики не успели её рассмотреть.

Друзья возвращались к берегу реки. Молчали и думали каждый о своём. С неба упали первые крупные капли дождя.

– Может, станем биологами? Потом, в будущем, – Дима даже приостановился.

– Почему биологами? – удивился Тима.

– Не знаю... понимаешь, все за неизвестным рвутся куда-то в космос, за пределы Земли. А у нас тут неизвестного и неизведанного столько, искать – не переискать.

– Будем искать неизвестное! Побежали! Кто первый – тот биолог, кто второй, тот... мокрая муха!

«Кулак Богомола»

(*Богомол древесный – Hierodula tenuidentata*)

Стефа и Даник уселись на маты в небольшом спортивном зале. Девочка была рада, что пришла на показательные выступления клуба с другом. Вот уже месяц, как Стефания ходила на занятия по кунг фу – хотела научиться драться лучше любого мальчишки. Даник кунг фу не занимался и драться не любил, но с удовольствием участвовал во всех затеях подруги.

На сцену по очереди выходили разные мастера. Четверо гибких юношей в чёрной униформе показали стиль «белого журавля». Ловкая и проворная девушка рассказала в движениях историю смертельной схватки двух змей. Главный тренер секции поразил зрителей сильными ударами и стремительными прыжками стиля «тигра». Следующими на сцену вышли два «богомол» в зелёных курточках. Они смешно подгибали кисти рук и раскачивались из стороны в сторону.

– Змею знаю, орла знаю, журавля и тигра тоже. Даже дракона могу себе представить. А вот богомола ни разу в жизни не видела, – пожаловалась Стефа, когда друзья вышли на улицу.

– Я вот боевыми искусствами не занимаюсь, но богомол очень уважаю, – Даник шёл, размахивая руками, и его длинные чёрные волосы развевались по ветру. – У меня дома Криптус живет. Хочешь, зайдём ко мне, посмотришь?

– Кто такой Криптус?

– Богомол, кто же еще.

– У тебя дома живет настоящий живой богомол?

– Конечно, живой, настоящий! Поймал недавно, да непростого, а нашего казахстанского, древесного. Он – краснокнижный. Устроил ему террариум. Мух ловлю, комаров – он только на живую добычу охотится.

Дома у Даника Стефа забралась с ногами на кресло перед столом со стеклянным кубом. В террариуме стояла сухая ветка с зелёным неподвижным листиком на ней. Девочка не сразу поняла, что это и есть диковинное насекомое.

Вдруг кончик «листика» шевельнулся, и маленькая треугольная голова с тонкими чёрными усиками медленно повернулась. На Стефу уставились выпуклые зелёные глаза. Крупные толстые передние лапы были подогнуты и как будто сложены в молитвенном жесте. Две пары тонких задних лап удерживали тело насекомого на ветке.

– Богомол-богомол, кому ты молишься? – пробормотала девочка, заворожённая необычным зрелищем.

– Кому-нибудь инопланетному. Ты разве не видишь – он ни на кого из насекомых не похож. Пришелец с другой планеты, сто процентов, – откликнулся Даник.

– А брюшко какое большое! Много ест?

– А то! Мух и тараканов не напасешься на него. Только успевай ловить да скармливать.

– А у вас что, тараканы дома водятся?

– Да ну ты что! В зоомагазин бегаю, там живых беру. Это хорошо сейчас лето. Хотя бы мухи есть.

– А давай покормим его сейчас? – даже подпрыгнула Стефа.

Даник подумал немного и важно кивнул:

– А давай! Давно не кушал. Сейчас закинем еды нашему Криптусу.

Как только таракан оказался в террариуме, он забегал по дну и стенкам стеклянной коробки. Богомол заинтересованно повернул голову, реагируя на движение. Таракан неосторожно забрался на ветку к «пришельцу» и тут же молниеносно был схвачен двумя передними цепкими лапами с зазубринами.

– Как быстро ест! – ахнула Стефа, закрывая глаза.

– Я же говорил, ещё тот обжора. Готов без остановок питаться. Но закармливать нельзя, погибнет.

Стефания сделала несколько пассивных руками, повторяя движения передних лап богомола:

– А ведь действительно похоже.

– Что похоже?

– Ну, движения тех двух «богомолов» на сцене на движения твоего Криптуса. Руки также складывают и раскачиваются. Решено – я теперь на кунг фу к «пришельцам» пойду. Научусь «кулаку богомола». Такие инопланетяне любых сверчков, драконов и тигров одолеют в два счёта.

Красотка

(Стрекоза красотка-девушка, или красотка темнокрылая – Calopteryx virgo)

В широкой бескрайней степи среди камней и песков скрывалось чудесное озеро. По берегам покачивался стройный рогоз, зеленела туранговая роца. На разные голоса пели птицы. Порхали разноцветные бабочки. Тритоны и жабы следили, чтобы тонкие родниковые ручейки всегда вливались в озеро. На водопой прибегали сайгаки и джейраны, волки и корсаки, ежи, тушканчики и суслики. Всем хватало места, всем хватало воды.

И жила у озера необыкновенная стрекоза. Её крылья переливались всеми оттенками весеннего неба, а глаза сверкали, как драгоценные сапфиры. Она любила летать над озером, отражаясь в его зеркальной глади. Все, кто видел стрекозу, восхищались ею и называли Красоткой. Она была душой этого озера.

Однажды в степь пришла беда – засуха. Пересохли ручейки, впадавшие в озеро, и оно стало постепенно превращаться в болото. Поник рогоз, опали листья с туранги, исчезли птицы и бабочки. Животные перестали приходить к озеру. Вода его стала тёмной и непрозрачной, она стала ядовитой. То, что дарило жизнь и радость, теперь приносило смерть.

Тогда старая жаба, которая осталась одна коротать свой век на берегу у чёрной воды, сказала стрекозе:

– Надо спасать озеро. Лети, Красотка, найди кемпир-баксы, бабушку-шаманку, может, она поможет.

– А как же ты?

– Лети, а я постараюсь тебя дождаться.

И полетела Красотка над степью. Ко всем обращалась за помощью.

– Ковыль, ковыль, где мне найти кемпир-баксы?

– Не зна-а-аю, – ответил ковыль и склонился к земле.

– Мудрая змея, подскажи, где найти кемпир-баксы?

– Не знаю, – ответила змея и ускользнула в нору между камнями.

Совсем отчаялась стрекоза, и тут порыв ветра подбросил её вверх, прямо под облака, и она увидела беркута.

– Беркут, беркут, может, ты знаешь, где найти кемпир-баксы?

– Знаю, – ответила гордая птица, – лети к горам. Там на закате солнца услышишь звон колокольчиков. Лети на звук и там найдёшь кемпир-баксы.

Из последних сил полетела Красотка к горам и наконец услышала слабый перезвон колокольчиков. Вскоре она увидела старушку в тёмном бархатном чапане и с белым платком, башней намотанным на голове.

– Что привело тебя ко мне? – кемпир-баксы положила асатаяк на камень.

Рассказала Красотка про умирающее озеро, про то, как мудрая жаба отправила её на поиски и как ждёт её возвращения.

– Что нам делать, бабушка? Помогите, пожалуйста, верните нам наше озеро.

– Эхе-хе, милая, не всё так просто, – баксы-кемпир печально склонили голову. – Это великая жертва. Чтобы что-то дорогое получить, надо такое же дорогое отдать. Вот что можешь отдать ты?

– Но у меня ничего нет...

– У тебя есть красота. Готова ли ты её отдать?

Красотка вспомнила, каким было озеро и каким оно стало. Что значит её красота по сравнению с жизнями всех обитателей озера? Сказала решительно:

– Я готова.

– Хорошо. Вот тебе волшебное семечко. Бросишь его в воду. А теперь...

Бабушка взяла в руки асатаяк, встряхнула. Раздался долгий и печальный перезвон колокольчиков, и красота стрекозы исчезла. Она стала бледной, желтовато-серой с матовыми полупрозрачными крылышками. «Ничего, – стрекоза взяла лапками семечко и поднялась в воздух, – верну озеру жизнь и улечу туда, где меня никто не знает».

Через несколько дней вернулась стрекоза, осторожно опустила семечко в воду. Оно упало на дно, в ил. Вскоре на поверхности появились широкие округлые листья, потом мощный стебель с бутоном. А потом бутон лепесток за лепестком раскрылся, и все увидели бело-розовый цветок. Его окутывало призрачное сияние, из которого вырывались искрящиеся лучи. И всё, к чему эти лучи прикасались, оживало. Вода стала чистой, и в ней снова отражалось небо. Зазеленели листья туранги, в её ветвях запели птицы. Рогоз зашумел у берега. В глубине озера среди водорослей засновали стайки серебряных рыбок.

В последний раз стрекоза взглянула на возрождённое озеро и поднялась в воздух, но вдруг услышала знакомый голос:

– Куда это ты собралась?

– В дальние края. Я теперь некрасивая и не смогу быть душой озера.

– Глупышка, – ответила старая жаба, – раньше ты была просто красоткой. А теперь ты самая удивительная и прекрасная стрекоза в мире. Наша спасительница.

И стрекоза осталась. Каждый раз, когда она пролетала над озером, вода отражалась в полупрозрачных крыльях, превращая их в лазурные. А сверху светило солнце, разбавляя лазурь золотом. Волшебное сияние крыльев напоминало всем о чуде, которое совершила Красотка.

Бабочка, которая мечтала найти семью

(Бабочка семейства Парусников – Парнассиус патрисиус)

Рядом с вершинами высоких гор, там, где облака касаются земли, жила маленькая бабочка из семейства Парусников. Жизнь её была беззаботной, но быстротечной. Она была последняя из рода. Днём она грелась под яркими лучами солнца на тёплых камнях. Ненадолго спускалась к альпийским лугам, чтобы попить цветочный нектар. И возвращалась вверх – летать среди облаков.

Но тоскливо стало бабочке одной. Очень она хотела найти своих родных, но понимала, что самой ей не справиться.

Как-то раз на альпийском лугу она отдыхала на цветке дымянки. Мимо тенью проскользнул ирбис – снежный барс. Он тоже спустился с гор понежиться на шёлковой летней траве. И бабочка решилась.

– Здравствуйте, уважаемый Барс, можно поговорить с вами? – голосок бабочки был настолько тонок и тих, что никто бы его не услышал. Но у барса был очень хороший слух. Он посмотрел по сторонам и никого не увидел.

– Кто здесь? – грозно прорычал он.

– Уважаемый Барс, я бы никогда не решилась нарушить ваш покой, но мне очень нужна помощь.

– Да кто ты, невидимка?! – рассердился барс.

– Я не невидимка, я просто очень маленькая, – и бабочка, слетев с цветка, запорхала перед барсом.

– В самом деле – маленькая... И что же ты хочешь, малышка?

– Понимаете, уважаемый Барс, я – последняя из рода, и мне очень нужно найти родню.

– А почему ты обратилась ко мне?

Бабочка опустила барсу на лапу.

– Мы с вами одного цвета – белые с серыми и чёрными пятнами.

– Развеселила, – барс перевернулся на спину, поднял лапу и стал рассматривать бабочку, – и в самом деле расцветкой похожи. Чем же я могу помочь?

– Когда я была ещё куколкой, бабушка пела мне песни. И одна из песен была про таких же, как мы, бабочек, живущих в Тибете. Но это очень-очень далеко, я не сумею туда добраться.

Долго думал барс, потом поднял голову к небу и громко зарычал – позвал беркута.

И тут же маленькая чёрная точка в небе, стремительно увеличиваясь в размере, помчалась к земле. Через мгновение огромный орёл складывал за спиной крылья перед своим другом – барсом.

– Случилось что? – проклекотал беркут.

Барс рассказал историю маленькой редкой бабочки.

– Помочь слабому – дело святое, – могучий орёл посмотрел на бабочку, – давай-ка, кроха, залетай мне на спину. Потом перебирайся на шею и закопайся поглубже в перья, чтобы ветром не сдуло.

– Спасибо вам, уважаемый Беркут, – пискнула бабочка и глубоко зарылась в перья птицы.

Несколько дней летел беркут и наконец опустился на скалы.

– Ищи своих родичей, малышка. А я наберусь сил, и полетим обратно.

– Ой, – пискнула бабочка, – а вдруг не найду так быстро? А если найду, то как же так быстро расставаться?

– Домой мне надо. Там моя семья, моё небо и горы остались. Найдёшь родню – зови с собой. Я и нескольких таких, как ты, унесу.

Пока Беркут отдыхал от трудного пути, бабочка порхала на лугу. Там она встретила трёх бабочек-парусников. С такими же белыми в серо-чёрных пятнышках крыльями. Парусники очень удивились, увидев путешественницу, так как думали, что они последние из рода. А она рассказала им о своем доме в горах Заилийского Алатау и пригласила к себе.

Орёл снова помог им. Бабочки вместе вернулись в горы, где облака касаются земли, и основали новую колонию. Теперь их род был в безопасности.

Барс и беркут сидели на скале и наблюдали за маленькими порхающими в ясном небе бабочками.

– Смелость и решительность даже самого маленького существа могут изменить мир, – проклекотал Беркут. И Барс согласно склонил голову.

Как жук-корнеед свою личинку спасал

*(Жук-усач корнеед большой, *Dorcadion grande*)*

В апреле весеннее солнце согрело землю, и на её поверхности показались первые насекомые – муравьи, шмели, божьи коровки. Огромное поле нежилось под теплыми лучами. Люди уже подготовили землю для посева.

На большом камне на краю поля сидел чёрный усатый жук с белыми полосками вдоль спинки, просил помощи у пробегающих мимо насекомых:

– Муравьи-муравьи, помогите личинку мою спасти! Распахали люди поле, выкопали мою детку. Опасно это для неё, погибнет на солнце.

– Мы ребята дружные, – ответили муравьи-работяги, – поможем тебе! Что нужно сделать?

– Вон там, недалеко, нетронутый островок с колосками остался, – жук шевелил длинными усами, беспокоился, – я там уже ямку у корней выкопал. Личинку туда перенесите, уложите, а дальше она сама устроится.

Позвали муравьи своих нянечек – рабочих, которые за малышами муравьиными ухаживают. Но как ни старались няньки – не смогли личинку поближе к колоскам перетащить. Личинка тяжелая, большая, даже семь няnek не справились.

– Попробуй кузнечика попросить, – сказали муравьи, – у него один прыжок – и личинка твоя в корнях окажется.

Позвал жук кузнечика.

– Кузнечик-кузнечик, ты ловкий, сильный – далеко и высоко прыгаешь. Помоги детку мою спасти.

– Да я еще пока не совсем кузнечик, тоже всего лишь личинка. Видишь, какой я маленький. Мои крылышки и ножки разовьются только через месяц, вот тогда и буду далеко и высоко прыгать. Потом и помочь смогу.

– Потом поздно будет! Погибнет малыш, ему нужна влага и сырые корешки.

– Попробуй пчёл попросить, может, они перенесут.

Прилетели пчёлы, покружили вокруг усача-корнееда:

– Слабые мы ещё после зимы, вот подожди, напьёмся нектара, наберёмся сил. А пока птиц попроси – у них клювы есть, авось помогут, – и пчёлы, жужжа, улетели.

«Ну уж нет, – подумал усач, – птицы тоже голодные и слабые после зимы, того и гляди, проглотят личинку».

Мимо бежал землеройный жук-навозник. Его чёрный прочный панцирь на солнце отливал синевой.

– Подожди, землеройник! Ты же постоянно растения и листья носишь к себе в подземное гнездо, что тебе стоит мою детку перенести?

Остановился блестящий жук, поглядел на корнееда:

– Ты откуда такой? Не видел тебя раньше. Полосками на колорадского жука похож. Но колорадский меньше гораздо, а ты вон какой здоровый!

– Я редкий, краснокнижный. Большим корнеедом зовусь.

– И я редкий! – удивился землеройный жук. – Слишком много люди полей распахивают да скот везде пасут. Трудно мне приходится.

– И мне трудно, – вздохнул тяжело корнеед, – мало нас осталось, очень важно моей личинке выжить. Одни мы с ней на всём этом огромном поле, нет больше таких.

– А может, вылупится скоро твоя личинка и не надо её переносить куда? – потер усики лапками жук-навозник.

– Нет, мои личинки месяцами в земле живут, прежде чем становятся такими, как я. Но вспахали люди землю, а я не могу детёнышу своему помочь. Челюсти слабые, не донесу. Помогите мне! – взмолился полосатый усач.

– Ладно, – заскрипел подземный жук, – похожи мы очень. И ведь не зря меня считают самым сильным насекомым. Помогу, так уж и быть!

Подхватил землеройный жук массивными челюстями личинку усача-корнееда и поволок её к небольшому участку земли на краю поля, туда, где сохранилось несколько колосков после вспашки. Упала личинка в подготовленную норку, задвигалась поближе к питательным корням.

А через два месяца появился на поверхности земли молодой усатый корнеед с белыми полосками вдоль чёрной спинки.

Письмо читателям

Дорогие читатели, мы – муравьи, пауки, скорпионы и дождевые черви, решили рассказать, почему оказались в Красной книге.

Не пугайтесь и не волнуйтесь, нам пока не угрожает исчезновение. Нас много и мы повсюду, даже в рассказах в этом сборнике.

Мы, муравьи и дождевые черви, живём по всему свету. Везде мы приносим пользу: рыхлим почву – помогаем дышать траве и деревьям, справляемся с насекомыми-вредителями и даже участвуем в хирургических операциях.

А мы – пауки и скорпионы, дальние родственники. И хотя мы не насекомые, мы тоже полезные и многое умеем. И ещё мы хотим, чтобы нас не боялись.

До скорой встречи!

Ваши муравьи, пауки, скорпионы и дождевые черви.

Антернет

(*Муравьи – Messor aralocaspius*)

Вот чёрный солдат с крупной головой раздробил массивными челюстями большое зерно на мелкие части. Вот рабочие муравьи – няньки подхватили зернышки и перетерли их в муку, чтобы накормить личинок. Тут же степенно прошла мимо огромная по сравнению с остальными муравьями Королева – завтра она отложит новые личинки. Вот муравьи строители побежали по ходам муравьиной фермы осматривать владения. А разведчики изучали новые места, искали еду.

Алан, затаив дыхание ждал, когда же большой чёрный разведчик найдёт новый проход. Там мальчик насыпал зерно. Он знал, что произойдет потом. Муравей ухватит первое зернышко и вернётся к остальным рабочим. И тут закипит работа! Муравьи начнут перетаскивать зерна на свой склад рядом с королевой и личинками.

«Но как все остальные муравьи знают, куда бежать? Как они понимают, где именно было найдено первое зерно? – Алан никак не мог понять тайную муравьиную магию. – Как будто всем добытчикам одновременно приходит сообщение по интернету – с четкой геолокацией, где лежит еда. Только у них не интернет, а “антернет”³ – своя собственная муравьиная беспроводная сеть».

Но этим вечером не только Алан пристально следил за муравьями. Рядом с мальчиком сидел котенок Рыжик. Он давно присматривался к чёрным ползающим точкам. Улучив подходящий момент, Рыжик прыгнул на ферму. Алан вскрикнул – от толчка лап один из камешков заблокировал заветный проход, закрыв там муравья-разведчика с зерном в челюстях. Алан даже застонал от досады.

Родители купили сыну муравьиную ферму две недели назад. И пробирку с муравьями-жнецами. Почему этих муравьев так назвали, объяснил продавец в магазине. Эти насекомые питались, собирая семена и зерна с полей.

Мальчик давно мечтал о формикарии – собственном муравейнике. Он аккуратно разложил песок на дне фермы, рассыпал разноцветные камешки. Наконец, взял пробирку, в которой сидели муравьи-жнецы – королева с десятком первых рабочих – и разместил её внутри фермы. Трое суток понадобилось, чтобы муравьи адаптировались, выползли из пробирки и принялись осваивать новую территорию. Алан поставил ферму в затемнённое место и пока лишней раз не беспокоил питомцев. Раз в день он аккуратно добавлял воду пипеткой на специальную губку для поддержания влажности в «муравейнике» и наблюдал за развитием новой жизни.

И вот теперь главный муравей-разведчик сидел взаперти на куче зерна и не мог передать другим самое главное сообщение для жизни муравейника. Котенок Рыжик заблокировал «антернет» и, потеряв интерес к недостижимым насекомым, теперь ловил муху на подоконнике.

«Что же теперь делать?» Мальчик попробовал наклонить ферму, чтобы камешек выпал из прохода. Перепуганные муравьи забежали по туннелям, а камень так и остался на месте. «Нет, так я задавлю кого-нибудь. Нужен пинцет, чтобы аккуратно вытащить камень, но я его где-то посеял».

– Алан, пора спать, – позвала мама.

– Мам, ну сейчас! У меня тут камень застрял, надо вытащить, посмотри!

Мама подошла и склонилась над формикарием.

– Да, дела, – пробормотала она. – Если мы сейчас откроем ферму – разбегутся. Как будем ловить на ночь глядя? Утро вечера мудренее, ложись спать, завтра что-нибудь придумаем.

Алан вздохнул, убрал муравьиную ферму повыше от Рыжика на книжную полку и выключил свет. Он долго ворочался в кровати, представляя, как чёрный разведчик сидит взаперти, а остальные ждут его возвращения.

Длинные тёмные переходы тянулись из одной ячейки в другую. Вот солдат с крупной головой раздробил массивными челюстями большое зерно на мелкие части. Вот рабочие муравьи – няньки подхватили зернышки и перетерли в муку, чтобы накормить личинок. Мимо степенно прошла огромная по сравнению с остальными муравьями Королева. Вот муравьи-строители побежали по ходам муравьиной фермы, осматривая владения.

Алан покрутил большой головой и увидел свои чёрные длинные усики. Осторожно перебирая лапами, выбрался из гнезда с Королевой, побежал по коридорам в другой конец муравейника.

Вскоре Алан обнаружил то, что искал – заблокированный большим

³ Ant (англ.) – муравей и Internet – всемирная сеть.

камнем проход. За камнем сидел такой же муравей-разведчик, как он сам. Пленник легко коснулся усиками его головы сквозь щель между камнем и стенкой прохода – передал сигнал:

– Здравствуй, брат! Я – Разведчик Первый. Случилось землетрясение. Застрял, не могу выбраться. Много еды. Зови строителей!

– Здравствуй, брат, – Алан повел усиками в ответ, – я – Ал..., Разведчик Второй. Понял тебя, сейчас вернусь с подмогой.

Теперь Алан четко понимал, что нужно делать. Он побежал в ячейку с рабочими-строителями, оставляя за собой пахучий след. По этому следу его помощники безошибочно нашли пойманного в ловушку муравья. Все вместе, сообщая они отодвинули камень и выпустили наружу Разведчика Первого.

– Спасибо, Второй! – спасенный поблагодарил Алана. – А теперь за работу, здесь много-много еды! Наш недельный запас.

Тут к Алану подбежал ещё один разведчик. Мальчик-муравей передал сигнал дальше, и вскоре вся муравьиная семья знала о большом запасе еды в проходе за отодвинутым камнем.

Всю ночь они перетаскивали зерна поближе к Королеве и личинкам. Это была дружная и слаженная работа. Алан носил зёрнышки вместе с другими муравьями, шевеля усиками, принимая и передавая дальше Разведчикам и Строителям важные сообщения.

– Алан, вставай! – мама мягко гладила сына по волосам. – Ну что же это такое – сначала вечером спать не уложишь, потом утром не разбудишь.

Мальчик вскочил с кровати и бросился к ферме. Он не мог поверить своим глазам. В ячейке для провизии лежала куча зерна, которую Разведчики и Строители перетаскивали за ночь. Вот чёрный солдат с крупной головой раздробил массивными челюстями большое зерно на мелкие части. Вот рабочие муравьи – няньки подхватили зёрнышки и перетерли их в муку, чтобы накормить личинок. Мимо прошла мама-королева. А вот и родной Разведчик Первый деловито осматривал камеру в дальнем конце муравейника за отодвинутым камешком, проверяя, не осталось ли здесь ещё еды.

«Значит, это был не сон. И я действительно был частью живого антернета сегодня ночью!» – мальчик легонько погладил стекло над другом-разведчиком, передавая сообщение:

– Здравствуй, брат! Какие же мы все молодцы!

Будет и у нас праздник!

(Пауки – Araneae)

На небе зажигались первые звёзды. Лёгкий ветерок шелестел листьями кустов и деревьев. Запахом полыни тянуло от прогретой жарким солнцем степи. На разные голоса заливались-стрекотали кузнечики.

– Эй, залезай к нам, – Тарантул услышал голос, раздавшийся откуда-то сверху, вздрогнул. – Не трусь, мы свои. И места всем хватит.

Тарантул забрался на ствол поваленного дерева. Примостившись между складками коры, там сидели Каракурт и Фаланга. С этого места, как на ладони, была видна поляна, на которой веселились насекомые.

– Ишь ты, праздник у них. День насекомых, видите ли, – завистливо проворчал Каракурт. – Веселятся. А нас не позвали...

– Не позвали, – эхом отозвалась Фаланга.

– Давайте сами пойдём! – Тарантул приподнялся на лапках.

– Не-е-е, – протянула Фаланга, – мы всех распугаем. Только появимся – разбегутся. Да и вообще – мы на них не похожи.

– Чёй-та?! – рассердился Каракурт.

– А ты лапки свои пересчитай. У них по шесть, а у нас, пауков, по восемь, – и Фаланга из осторожности спряталась в разломах коры.

Каракурт возбуждённо побегал по стволу дерева, потом резко остановился и обратился к товарищам:

– Нет, ну где, спрашивается, справедливость?! Пугаем мы их! Живём, никого не трогаем. Если и попадётся кто под горячее жало – так это самозащита. Кому понравится, когда твою норку разоряют или тебя раздавить пытаются? А нами, каракуртами, осы и ежи питаются. Да еще домашние животные места обитания вытаптывают. Как тут не укусить верблюда там... или лошадь.

– Да-а, тяжкая наша доля, – Тарантул приподнялся на месте, причудливо перебирая мохнатыми лапками. – В Италии в давние времена даже танец придумали. Только не в честь тарантулов. Представляете, укусит случайно, – повторяю – случайно! – тарантул человека, и все сразу: «Ай-ай-ай, ой-ой-ой, танцуй до упада!» Верили, что это противоядие. И танец называли тарантелла. А наш яд для человека не опасен. Вот так. Сколько ни танцуй, всё равно живым останешься. И всё равно – ненавидят и боятся.

– Тебе не позавидуешь, ты из нас, пауков, самый-самый долгожитель. Вот всю свою долгую жизнь и получаешь только ненависть. А я думал – это мне тяжелее всех, – Каракурт подобрался к Тарантулу и легонько, по-дружески, толкнул лапкой.

– Никто нас не любит, – пригорюнилась Фаланга, – ни люди, ни звери, ни насекомые. Вы-то ядовитые, а меня за что?

– А тебе и яда не надо. Ты хелицеры, челюсти свои, после еды чисти как следует. Тогда не отравишь никого, – съязвил Каракурт.

Тарантул встал между сердитыми пауками и примирительно сказал:

– Давайте не будем ссориться! Тем более есть идея! Давайте устроим свой праздник – Всемирный день паука.

– Ура! – выкрикнул Каракурт.

– Ура-а-а! – подхватила Фаланга, – И всех в гости пригласим!

Такие разные скорпионы

(Скорпионы – Scorpiones)

Воздух в степи был прозрачен и чист. Звёзды поблёскивали на тёмно-синем небе яркими огоньками. Ребята из астрономического кружка собрались вокруг костра и слушали рассказы руководителя. Он говорил о том, что у каждого народа в мире есть свои истории о созвездиях.

– В давние-давние времена в Древней Греции родилась такая история. Жил на свете человек по имени Орион. Он славился как великий охотник и дружил с богиней охоты Артемидой. Как-то раз охотились Орион и Артемиды на Крите, добыча была богатой. Но Ориону всё было мало, и он поклялся истребить всех зверей. Тогда Гея, богиня земли, разгневалась и наслала на него огромного скорпиона. Не смог убить волшебного скорпиона Орион, и ему пришлось убежать, чтобы самому не стать жертвой. Долго бежал он – по суше и по морю...

– А как это он по морям бегал? – перебил рассказчика кто-то из слушателей. Порыв ветра донёс запах полыни и мяты. Языки пламени прилегли к земле, но когда ветер стих, снова поднялись и затанцевали в темноте.

– У него был дар – ходить по воде, как по земле. Продолжим. Наконец добрался Орион до края земли...

– У Земли нет края, она круглая, – снова перебил кто-то, выкатывая палкой из углей костра горячие клубни печёного картофеля.

– Древние об этом не знали. Вернёмся к нашим героям. Стоял охотник на краю и понимал, что скоро достигнет его скорпион. Тогда обратился он к подружке, богине Артемиде, и та превратила его в созвездие и отправила

на небо. Но разгневанная Гея тоже обратила скорпиона в созвездие. Когда Скорпион поднимается на востоке, Орион спешит скрыться на западе. Так и гонится по небу Скорпион за Орионом, но догнать не может.

– Круто, – один из «астрономов» поднялся. Он тоже хотел рассказать свою историю. – Я, когда с родителями в Египте был, нам гид говорил, что скорпион – это воплощение богини Селкет...

Его перебил другой:

– Подумаешь. А я футболом занимаюсь, и у нас, у футболистов, особый финт называется «удар скорпиона».

– А я кино смотрел... А я на компе... – ребята загалдели одновременно.

– Всё, всё, довольно, – остудил их пыл руководитель. – Всем спать, а когда в город вернёмся, ходим в зоопарк, в экзотариум. Посмотрим на живого скорпиона.

Самая младшая девочка сказала:

– А ещё Скорпион – это созвездие Зодиака! Вот! Я сама – Скорпион.

Все рассмеялись и разошлись по палаткам.

Утром юные астрономы позавтракали, потихоньку стали собирать вещи. Вдруг услышали голос руководителя:

– Все сюда!

Ребята прибежали на зов. Руководитель стоял над перевёрнутой вверх дном кастрюлькой. Кастрюлька краями плотно утопала в песке.

– Что там? Кто там? А почему кастрюля валяется? – и кто-то протянул руку, чтобы поднять.

– Не трогай! Я сам. Все здесь? – Руководитель обвёл собравшихся взглядом. – Встаньте в круг. Пошире, пошире. Помните, мы вчера про скорпионов говорили? Слова материальны. А теперь смотрите, – он перевернул кастрюльку.

На песке стоял скорпион. Самый настоящий. Небольшой, серовато-жёлтый, он принял боевую позу – подняв вверх клешни и хвост.

– Ой, он сейчас прыгнет и кого-нибудь укусит! – громко прошептала девочка.

– Не бойся, – успокоил руководитель. – Во-первых, скорпионы не прыгают. Во-вторых, он очень испуган и защищается изо всех своих силёнок. Мы для него огромные и страшные. Вот он и показывает, какой он злой и тоже страшный. А на самом деле он очень боится. Отойдите и встаньте все за мной.

Ребята разомкнули круг. Скорпион постоял ещё немного, увидел, что дорога свободна, быстро пробежал по песку и скрылся среди камней.

– Шустрый какой. Лихо спрятался. Вот и увидели живого скорпиона в живой природе, – «астрономы» переглянулись. – И в зоопарк ходить не надо!

Спасение

(Земляные черви – Lumbricina)

Антон высунулся из окна второго этажа и вдохнул свежий прохладный воздух. Только что закончился дождь, который шёл непрерывно два дня.

Во дворе гуляла незнакомая девчонка. В резиновых сапогах, в большом прозрачном дождевике поверх куртки. Она бродила по асфальту, время от времени наклоняясь и тыкая в него длинным прутиком.

«Что она делает в нашем дворе?» – накинув толстовку, мальчик сбежал по ступенькам вниз, толкнул массивную подъездную дверь и оказался нос к носу с девчонкой.

– Ты кто? – грозно спросил он.

– Я – Тейя, – ответила незнакомка, ничуть не испугавшись. Она посмотрела ему в глаза, и Антон вздрогнул – таким ясным и спокойным был этот синий взгляд.

– Я новенькая, мы только вчера переехали.
– Что делаешь? – уже мягче спросил мальчишка.
– Смотри, сколько здесь червей после дождя. Я подбираю их и отношу на землю.

Антон скривился:

– Фу-у-у! Зачем?
– Жалко их очень. Во время дождя им не хватает кислорода под землей, и они выбрасываются на асфальт. А теперь погибают без влажной почвы.

– Нашла кого спасать!

– Они живые.

– Да кому они нужны, червяки эти?

Тейя внимательно посмотрела на мальчишка.

– Я раньше тоже так думала. А потом моя мама, она биолог, рассказала, что земляные черви – лучшие друзья человека. Без них не было бы у нас с тобой хлеба, не было бы овощей, фруктов и ягод.

– Это почему?

– Потому что червяки взрыхляют землю, помогают корням расти, да еще и полезные вещества растениям приносят.

Антон, не выдержав синего взгляда, отошел, плюхнулся на мокрые качели, раскачался до неба.

Тейя продолжала подцеплять палочкой неподвижных червячков и относить их под цветущие кусты.

– Ну и не было бы хлеба, – крикнул Антон в ее сторону, – конфеты бы ели.

Девочка даже не повернула головы. Тогда Антон спрыгнул с высоты, подобрал пруттик.

– Ладно, давай помогу. Вместе быстро всех перекидаем. Я вообще тоже червячков уважаю. Рыба на них знает как клюет!

Когда все «спасенные» оказались в палисаднике, мальчик отбросил пруттик.

Тейя кивнула и склонилась над почвой:

– Посмотри, они сейчас закапываться будут.

Антон фыркнул: «ну что за странная девчонка!», но присел рядом.

– А если червяка пополам разделить, тогда вместо одного два будет, – поделился знаниями мальчишка.

– Да, мама мне тоже говорила. Но мы же не будем так делать? Их и так много.

Черви, очутившись на влажной и взрыхленной почве, ушли вглубь, оставляя за собой переработанный слой гумуса.

Вдруг из-за угла раздался свист – ватага мальчишек искала предводителя.

Антон вскочил, отпрянул от Тейи и с независимым видом стал пинать камушек.

– А это еще кто? – появившиеся друзья окружили незнакомую девочку.

– А, это новенькая, – снисходительно протянул Антон. – Вчера переехала в мой двор.

Взъерошенный маленький мальчишка пнул камешек Антона в сторону Тейи.

– Ну-ка, отставить! – атаман сердито обвёл всех взглядом. – Она теперь под моей защитой. И вообще – она своя.

Все удивлённо воззрились на новенькую.

– Ну, своя так своя, – отозвался взъерошенный, – а меня Серик зовут.

– Я видел, на пустыре вишня спеет, – важно сказал Антон, – вперед, пацаны! Все за вишней!

И мальчишки под предводительством главаря с гиканьем понеслись на пустырь.